

Битва за Францию для европейской буржуазии

Мы публикуем статью наших французских товарищей из газеты L'Internationaliste.

«Я готовился к этому несколько недель и был вне себя от радости. Я бросил свою гранату им между ног. Теперь посмотрим, как они справятся...».

По сообщению *Le Monde*, это сказал за кадром Эмманюэль Макрон, оправдывая роспуск Национального собрания после поражения на европейских выборах (31,4 % за Национальное объединение против 14,6 % за список макроновского “Возрождения”).

В то время как Елисейский дворец начинает дебаты о европейском ядерном сдерживании и общих оборонных системах на поле континентальной политики, Макрон делает ставку на то, что внутри страны крайне правые окажутся недостаточно зрелыми. Он пытается выбраться из болота, которое пророчит полную потерю управляемости в будущем, разыгрывая комбинацию с правительством и изменяя баланс между партиями.

Игра началась

На момент написания этой статьи результаты предстоящих выборов неизвестны. Но давайте рассмотрим политические вопросы, стоящие на кону на этих выборах.

Выборы в законодательные органы отличаются от европейских выборов. Это двухтуровое голосование по мажоритарной системе в 577 избирательных округах. Во второй тур могут выйти кандидаты, набравшие 12,5 % голосов зарегистрированных избирателей. Прогнозировать электоральные колебания в этом контексте крайне сложно: уровень явки, отзыв кандидатур, соглашения, которые партии заключают между двумя турами, а также возможное использование механизма “республиканского фронта” могут привести к глубоким изменениям в расстановке сил в следующей Национальной ассамблее. Также может сыграть эффект *«тактического голосования»*: если на европейских выборах предпочтения избирателей не сильно расходятся с реально поданными голосами, поэтому опросы демонстрируют большую надёжность, то на президентских и законодательных выборах происходят гораздо более существенные отклонения в пользу тех или иных кандидатов и партий.

Битва за центр

По мнению ведущих аналитиков, Макрон пытается провести *«принудительную реконфигурацию»*, пытаясь реанимировать свой центристский блок и перейти от оборонительной к наступательной позиции. Здесь он делает ставку на раскол среди правых или левых, чтобы изменить состав блока или даже расширить его. С другой стороны, левым удалось объединить свои основные силы и заблокировать попытку отдельных организаций достичь предвыборных соглашений с макронистами, в то время как так называемые “традиционные” правые разделены на “совместимых с Макроном”, автономистов и сторонников союза с Национальным объединением (НО). Крайне правые сглаживают свою риторику, чтобы вновь занять центральное место на сцене и победить во втором туре. В общем, ход событий между двумя турами будет решающим.

Другие комментаторы утверждают, что Макрон, напротив, делает ставку на победу НО, чтобы измотать её правительственной деятельностью и окончательно нормализовать ситуацию в преддверии президентских выборов 2027 года, на которых действующий президент уже не сможет баллотироваться. Как мы увидим дальше, конституционные полномочия, которыми обладает правительство, делают рискованным решение подпустить к исполнительной власти организацию, противящуюся проевропейскому консенсусу.

Выборы в законодательные органы имеют решающее значение для финансов французских политических организаций. Действительно, значительная часть государственного финансирования партий рассчитывается в зависимости от результатов, полученных в текущем электоральном раунде, и количества депутатов, избранных в палату от каждой политической силы. Можно считать, что это оказало определённое влияние на формирование нынешнего электорального сговора левых сил вопреки существующим разногласиям. Следует также отметить, что эти выборы, скорее всего, дадут жизнь масштабному плану государственного финансирования крайне правых в ближайшие годы.

Коалиция или сожительство

Независимо от результата, национальный политический ландшафт показывает состояние, далёкое от стабильности. Волатильность ситуации особенно высока по сравнению со средним европейским уровнем, с расколами и перегруппировками партий. Итог парламентских выборов допускает несколько сценариев: сосуществование президента с оппозиционной группой, если НО или объединённые левые получают абсолютное большинство; слишком пёстрый и потому недееспособный парламент; или начало своеобразного коалиционного президентства. Следует отметить, что теперь президент не может распустить Национальное собрание раньше, чем через год.

Последний вариант позволит Макрону обрести постоянное большинство или потенциальное большинство, опирающееся не только на его собственную партию, но и на другие политические семьи. Является ли это надёжной альтернативой, способной обеспечить более широкую массовую базу для европейской линии?

В случае сосуществования, последуют ли крайне правые примеру правительства Джорджи Мелони и переориентируют ли свою политическую линию в европейском и атлантическом ключе? А в левом лагере, наиболее евроскептические и антинатовские элементы будут готовы смягчить свою риторику?

Следует отметить, что все правительства при Макроне, продолжая линию на реструктуризацию, обозначенную Франсуа Олландом в 2014 году, сохраняли при этом высокий уровень государственного дефицита. Текущая избирательная кампания проводится под лозунгами увеличения государственных расходов. В этом контексте интересно, рискует ли следующее большинство, более или менее совместимое с Макроном, столкнуться с повышением процентных ставок и недоверием со стороны ряда европейских стран?

Европейский политический цикл

Текущие политические события – это больше, чем внутренний французский спор. Они касаются направлений политических изменений и возможных колебаниях внутри одного из столпов европейской интеграции. Континентальная буржуазия в целом столкнулась с необходимостью ускорить централизацию своих политических полномочий в беспрецедентных рамках электоральных потрясений общества изобилия.

Французский кризис – это испытание для всех политических надстроек и крупных экономических групп на континенте. В какой степени силы европейской демократии смогут преодолеть эти колебания и определить общую стратегическую линию в условиях обострения межимпериалистической борьбы? Политические способности лидеров буржуазной демократии, наилучшей оболочки капитализма, подвергаются испытанию. В Париже кадрам буржуазии приходится иметь дело с меняющимися франко-германскими отношениями и распределением сил в Европе. Баланс между национальным суверенитетом и европейским вектором будет иметь решающее значение.

Институциональная гибкость

Проверку пройдёт также гибкость Пятой республики. В интервью *Le Monde* Денис Баранге, профессор публичного права, предлагает пищу для размышлений. По его мнению, *«у нас нет единого политического режима: у нас есть политический режим переменной геометрии»*. *«Конфигурация, которая чаще всего представляется нормальной, – это сильное президентство, сопровождаемое большинством»*. Но эта конфигурация не исключает других, *«как мы видели на примере второй конфигурации: президентства меньшинства, сложившегося два года назад»*. Третий вариант – *«сожительство»*. Эта последняя форма *«возвращает Пятую республику к довольно классической парламентской системе: президенту остаётся только право вмешательства с определёнными прерогативами, сводящимися к тому, что Монтескье назвал бы “способностью предотвращать”»*. Гипотеза коалиционного президентства расширила бы палитру возможных комбинаций власти в отношениях между президентом, премьер-министром, правительством и парламентом.

В своей книге *“Республика возрождается”*, историк Серж Берштейн отмечает, что премьер-министр имеет *«противоречивый статус»*, посередине между ролью главы правительства и

проводника воли президента. Согласно Конституции, президент назначает премьер-министра, но *«прекращает его полномочия только в том случае, если премьер-министр подаёт заявление об отставке правительства»*. Иными словами, *«хотя глава государства имеет право назначить теоретического главу правительства, именно последний должен проявить инициативу и покинуть свой пост. Национальное собрание также может заставить его сделать это, отказав в доверии или вынеся вотум недоверия»*. По мнению автора, Пятая республика предполагает возможность диархии. До сих пор каждый президент Республики старался избежать этой ситуации. Через несколько недель Макрон, возможно, будет вынужден приспособиться к ней, если не получит абсолютного большинства. Может ли усиление роли парламента и правительства, превращение его в своего рода декомпрессионную камеру для мелкобуржуазных стенаний, дать начало новым моделям формирования французской политики?

Следует также отметить, что если в прошлом практика оставляла за президентом исключительные полномочия в сфере обороны и иностранных дел, то сама по себе Конституция допускает более свободную интерпретацию. Так, если президент, *«также возглавляющий вооружённые силы»*, является *«гарантом национальной независимости и целостности национальной территории»*, то правительство *«распоряжается администрацией и вооружёнными силами»*, а *«премьер-министр отвечает за национальную оборону»*. Только применение ядерного оружия является исключительной прерогативой президента. Не вдаваясь в чисто юридические рассуждения, мы, тем не менее, видим, что политический баланс во Франции может претерпеть изменения.

Июнь 2024 г.